

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И РЕЧИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ОППОЗИЦИЯ «ИНТЕРТЕКСТ — ИНТРОТЕКСТ» В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Н.Д. Афанасьева, М.В. Беляков

Кафедра русского языка для иностранных учащихся
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Статья посвящена понятиям интертекста и интротекста в общелингвистическом аспекте, трудностям их восприятия и интерпретации.

Понятие «интертекстуальность» нельзя назвать новым или малоизвестным. Напротив, это понятие, введенное Ю. Кристевой, впервые встречается еще осенью 1966 г. в ее докладе о творчестве М.М. Бахтина и в опубликованной затем весной 1967 г. статье «Бахтин, слово, диалог и роман» [1]. Ю. Кристева под интертекстуальностью понимала некую общность и преемственность всех текстов, из чего вытекает, что текст является бесконечным и безграничным. Эта позиция получила дальнейшее развитие у ряда исследователей. Некоторыми авторами, разделяющими точку зрения Ю. Кристевой, высказывается мнение, что практически любой текст можно считать интертекстуальным. Например, Ролан Барт (R. Barthes) пишет о том, что каждый текст является интертекстом. «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски «источников» и «влияний» соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат — из цитат без кавычек» [2. С. 28].

Как замечает И.И. Ильин, «концепция Кристевой быстро получила широкое признание и распространение у литературоведов самой различной ориентации ... Однако конкретное содержание термина существенно видоизменяется в зависимости от теоретических и философских предпосылок, которыми руководствуется в своих исследованиях каждый ученый. Общим для всех служит постулат, что всякий текст является «реакцией» на предшествующие тексты» [3. С. 16].

Если следовать теории Ю. Кристевой о безграничности интертекста, то в определенный момент можно прийти к выводу о том, что понятие «текст» становится избыточным, поскольку оно замещается понятием «интертекст», следовательно, его можно исключить из лингвистической практики, т.к. одному понятию не должны соответствовать два термина.

При всей сложности и неоднозначности подхода к пониманию интертекста, сама идея, высказанная Ю. Кристевой, заслуживает внимания. В настоящее время понятие интертекста получило распространение и используется весьма широко, о чем свидетельствует большое количество публикаций как о самом термине, с попыткой найти новое определение или нюансы толкования, так и использующих его в качестве данности в контексте исследований по различным аспектам филологического и философского плана. В связи с этим считаем возможным высказать свои мысли по данному вопросу, в чем-то обобщающие, а в чем-то конкретизирующие ряд аспектов. Представляется разумным отойти от радикальной вселенской абстракции при толковании интертекстуальности и разграничить некоторые понятия, связанные с текстом в целом.

Исходное понятие интертекста претерпело определенные метаморфозы и стало использоваться нередко в смысле, отличном от первоначального. В целом интертекстуальность свойственна не только языковым текстам, но и тексту в широком смысле слова, т.е. тексту как некому набору знаковых единиц, несущих информационную значимость. В семиотике под текстом понимается осмысленная последовательность любых знаков (танец, ритуал и т.д.). Под данную категорию подпадают, несомненно, произведения искусства, в том числе художественные полотна, музыкальные произведения, фильмы. Во многом юридическая практика опирается на прецедентность, т.е. толкование того или иного казуса в зависимости от предшествовавшего подобного опыта и результатов его рассмотрения в суде. Можно привести еще множество сфер социальной деятельности человека, к которым применимо данное понятие. В целом можно подходить к интертекстуальности как к своего рода использованию цитат из предшествующих собственно языковых (естественноязыковых и искусственноязыковых) или не собственно языковых (невербальных) текстов либо различного рода ссылок на них. При этом само появление в определенный, относительно недавний с точки зрения истории, момент времени термина не означает отсутствия самого явления в предшествующем времени.

Определяя сущность интертекста, разные авторы уделяют внимание, как правило, какой-то его одной стороне. Между тем явление интертекстуальности представляется достаточно сложно организованным феноменом. И.В. Арнольд предлагает следующее определение: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [4]. Это определение акцентирует внимание на репрезентативном аспекте интертекстуальности, взгляд на интертекст изнутри текста. М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман подходили к интертексту «с обратной» стороны — от «надтекстового» универсума. «Кроме коммуникативной функции, текст

выполняет и смыслообразующую, выступая в данном случае не в качестве пассивной упаковки заранее данного смысла, а как генератор смыслов ... минимально работающий текстовой генератор — это не изолированный текст, а текст в контексте, текст во взаимодействии с другими текстами и с семиотической средой» [5].

Заметим, что первоначально термин «интертекст» в том понимании, которое в него вложила Ю. Кристева, имел литературоведческую направленность. Но в том виде, как понятие существовало исходно, оно не могло быть применено к лингвистическому пониманию текста в целом. Возможно, в связи с этим возникли разночтения в понимании явления интертекстуальности в лингвистике. Несомненно, понятие интертекста применимо к лингвистике, но в своем собственном лингвистическом толковании.

Возможно, руководствуясь лингвистическим подходом и учитывая особенности современных информационных структур, стоит иерархически разграничивать понятия:

- 1) **текста** как базовой единицы (изолированный текст, обладающий определенной смысловой завершенностью);
- 2) **интертекста** как текста, включающего иной или иные тексты;
- 3) **интротекста** как текста-донора;
- 4) **гипертекста** как интертекста, выходящего на макроуровень, когда границы текста размыты или не могут быть четко очерчены.

При этом гипертекст является текстом и интертекстом, включающим в себя множество интротекстов. Гипертекст сегодня наиболее объемно представлен в сети Интернет — это определенным образом организованный текст, содержащий систему ссылок в сочетании с цитатами. Гипертекст интернет-пространства является текстом, который теоретически ограничен физическими рамками носителей информации, подключенных к сети, но эти рамки невозможно определить даже приблизительно.

Понятие «текст» в данной ситуации выступает родовым по отношению к понятиям «интертекст», «интротекст» и «гипертекст». «Текст» при этом имеет достаточно устоявшееся толкование в различных своих значениях, а именно из представляющих интерес для нас в свете нашей темы. ТЕКСТ (от лат. *textus* — ткань, сплетение, соединение):

- 1) последовательность предложений, слов (в семиотике — знаков), построенная согласно правилам данного языка, данной знаковой системы и образующая сообщение;
- 2) словесное произведение; в художественной литературе — законченное произведение либо его фрагмент, составленный из знаков естественного языка (слов) и сложных эстетических знаков (слагаемых поэтического языка, сюжета, композиции и т. д.).

Как видим, второе толкование тяготеет к литературоведческому пониманию текста. «Интертекст» Ю. Кристевой больше связан с таким пониманием текста — как произведения. Первое, основное значение больше подходит к нашему пониманию текста в собственно лингвистическом ракурсе и в ключе излагаемой нами точки зрения.

Отрешившись от литературоведческого глобально-абстрактного понимания интертекста, попробуем сформулировать, что должно быть вложено в лингвистическое понимание данного термина. Во-первых, понятие «интертекст» опирается на лингвистическое понятие текста. Во-вторых, предполагается, что существует некий текст, который содержит в себе определенную цитату, представляющую собой фрагмент иного текста или целый текст. Таким образом, речь идет о наличии как минимум двух связанных между собой определенными отношениями текстов, один из которых вмещает в себя другой. Если в одном тексте X используется второй текст Y, то X можно полагать основным по отношению к Y и именно к нему применять термин «интертекст». Текст Y, вводимый фрагментарно или полностью, можно полагать «интротекстом». Отношения между этими текстами подпадают под понятие «интертекстуальность». Заметим, что эти отношения строятся линейно и векторно (направленно), поскольку при минимальной структуре, состоящей из двух текстов, один текст вводится в другой, а обратного движения, как правило, не предполагается. Что касается гипертекста, то здесь основным показателем является множественность различных текстов, взаимно связанных нелинейными отношениями, предполагающими разнонаправленность.

Явление интертекстуальности как способность текстов создавать связи друг с другом на уровне интертекст — интротекст (интротексты) многогранно, и оценивать его можно по ряду различных параметров. С историко-временных позиций можно рассматривать интертекстуальность диахронную и синхронную, т.к. объектом, используемым в интертексте, может служить текст, появившийся задолго до времени цитирования (возможно, за несколько веков), или современный текст. В качестве примера интертекста, рассматривать который можно как диахронно, так и синхронно, приведем роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», который был начат в 1823 году. Первая глава начинается словами: «Мой дядя **самых честных правил...**». Поэт в данном случае использовал часть текста басни И.А. Крылова «Осел и мужик», впервые напечатанной в издании басен 1819 г.:

Мужик на лето в огород,
Наняв Осла, приставил
Ворон и воробьев гонять нахальный род.
Осел был **самых честных правил...**

В данном случае два текста разных авторов имеют интертекстуальные отношения, которые с позиции времени написания могут рассматриваться как синхронные (поскольку написаны в одну историческую эпоху, с разницей всего в несколько лет). Тексты же, создаваемые в наше время и использующие пушкинско-крыловский текст, будут рассматриваться как диахронные интертексты.

Можно также полагать, что интертекст может носить монологический и диалогический (полилогический характер). При этом монологичность и диалогичность весьма условны. Когда речь идет об использовании в более молодом тексте (интертексте) текста-предшественника (интротекста), это означает цитируемость, своего рода ссылку, но не собственно диалог, поскольку интертекст в данном случае имеет лишь одну направленность и не предполагает «взаимности» или обоюд-

ной направленности высказываний, обмена высказываниями. В тексте, использующем фрагменты современного ему текста, возможна диалогичность, поскольку теоретически допустима возможность использования цитаты из нового текста автором исходно цитируемого текста (например, диалог-переписка). Заметим, что диалогичность возможна лишь на синхронном уровне. Чем больше временная разнесенность текстов, тем менее вероятна диалогичность.

По форме представления в тексте интертекст может быть эксплицитным (например, прямая цитата), когда в тексте воспроизводится фрагментарно или полностью иной текст, и имплицитным (например, ссылка), когда иной текст не приводится, а лишь упоминается факт его существования.

Интертекстуальная насыщенность может быть различна и во многом определяется жанром текста. В одном интертексте может встретиться один интротекст либо множество. Примером множественности интротекста служит практически любой научный текст, насыщенный цитатами и сносками.

Если говорить об интертексте в собственно лингвистическом смысле, то он не ограничен рамками одного языка. Вполне естественно, что в интертексте могут использоваться иноязычные тексты, в частности крылатые слова. В масштабах интернета интертекстовая структура не только разрастается до гиперуровня, но и становится полиязычной.

В ключе интертекстуальности можно рассматривать любой перевод текста на иной язык. Переводной текст гипотетически также можно отнести к специфическому интертексту, поскольку задача перевода в целом сводится к максимально точному смысловому воспроизведению исходного текста на ином языке. Формально создается новый текст, с набором знаков, свойственных языку, отличному от языка исходного текста, но при этом сохраняется информационно-смысловая структура текста-оригинала. Специфика такого рода интертекста в том, что информационно-смысловое поле интертекста и интротекста условно равны, при полном различии знакового пространства.

На переводческом аспекте следует остановиться особо, если говорить о практической стороне такого явления, как интертекст. Для переводчика интертекст может стать серьезным испытанием. Процесс перевода состоит из определенных фаз. При переводе фаза узнавания и понимания переводимого текста, осложненного вставкой из иного текста, в некоторых случаях может быть затруднена, даже при условии полного узнавания переводящим всех лексических и грамматических единиц. Причиной такой ситуации может стать неразличение переводящим интротекста. Например, фраза «А что это у нас Александр Васильевич ничего не ест?» в контексте разговора русскоязычным носителем однозначно будет маркирована как интротекст, в то время как у ряда иностранных переводчиков может вызвать недоумение — ведь среди участников разговора вообще нет никакого Александра Васильевича... Если не знать, что это фраза, ставшая крылатой, из известного в России рекламного ролика и имеет исторический подтекст (речь идет о вручении императрицей ордена полководцу А.В. Суворову), то очень сложно понять ее иронично-шутливый смысл. Поэтому при языковой подготовке иностран-

ных переводчиков, в частности переводчиков с русского языка, так важно учитывать роль экстралингвистических факторов, способных повлиять на распознавание интертекста и его адекватное понимание и перевод. Огромную роль в этом играет лингвокультурологическая подготовка переводчика, формирование у него фоновых знаний.

От переводчика зависит выбор стратегии перевода интертекста из ряда существующих. Одна из них — поиск исходного текста-источника в том случае, когда источник был на языке перевода. Известно, что интертекстуальное отношение представляет собой конструкцию «текст в тексте». Подобный перевод сводится к механической замене элементов переводимого языка найденными адекватными элементами переводящего языка. Другой стратегический подход к переводу — интерпретация, или «пересказ». Поскольку разные языки и культуры концептуально по-разному отражают мир, подобный «пересказ» позволяет в определенном смысле адаптировать интертекстуальный фрагмент (интротекст) к основному тексту, где этот фрагмент встречается (к интертексту).

Ставшим уже классическим примером проблем перевода интертекста, несомненно, является хрущевская «кузькина мать». «Показать **кузькину мать**» — русское идиоматическое выражение, означающее угрозу. Идиома «кузькина мать» была использована как интротекст Н.С. Хрущевым 25 сентября 1960 года во время выступления на 15-й Ассамблее ООН. Переводчик Хрущева сделал буквальный перевод — «Kuzma's mother». Слушавшие его иностранцы не могли понять конкретный смысл фразы Хрущева, но определенный эффект был достигнут, потому что в контексте всего выступления она однозначно воспринималась как угроза. Впоследствии, не найдя адекватного варианта перевода русской идиомы «*Kuzma's mother*», переводчики Хрущева пошли по пути замены ее другой, часто повторяемой Хрущевым в отношении Запада фразой: «Мы вас похороним», — которая по-английски звучала как «We'll bury you». При этом в процессе перевода исходный интротекст заменялся иным как на уровне исходного русского интертекста, так и на выходе в английском варианте. Альтернативной стратегией перевода в данном случае мог стать поиск одного из адекватных вариантов идиомы в английском языке, не соответствующего русской идиоме дословно, но имеющего аналогичный смысл. Например, «Краткий русско-английский фразеологический словарь» [6] предлагает единый вариант перевода на английский язык для идиоматических выражений «показать кузькину мать» и «показать, где раки зимуют»: «to give it smb. hot and strong», «to show smb a thing or two». Во многом уровень (качество) перевода определяется языковыми способностями и возможностями переводчика. Но не следует игнорировать во время подготовки переводчиков упражнения, направленные на активизацию и закрепление до автоматизма навыков, связанных с переводом интертекста. В целом, такая работа должна вестись со всеми изучающими иностранный язык, в частности, русский язык как иностранный, независимо от того, будут ли они впоследствии переводчиками или специалистами в других областях.

Формирование у учащегося как языковых, так и экстралингвистических знаний, позволяющих в практической языковой ситуации узнавать, адекватно вос-

принимать, оценивать интертекст и реагировать на него — задача сложная и требующая как постоянных упражнений, так и постоянного пополнения фоновых знаний. В связи с этим учащиеся должны интересоваться не только различными аспектами культурной жизни страны изучаемого языка (литературными произведениями, фильмами, театром), но и социальными, политическими событиями. Особый мир — мир рекламы, также оказывающий свое влияние на ряд языковых процессов.

На базовом уровне умение практического узнавания и использования интертекста закладывается у иностранных студентов, изучающих русский язык, уже при работе с текстом на уровне предложения, когда вводятся понятия темы и ремы, имеющие свои, отличные от ряда иноязычных синтаксических структур, особенности. В диалогической речи учащийся, воспринимая речь другого лица, воспроизводит часть полученной информации в своем ответе. Это своего рода цитата (интротекст) из предшествующего высказывания. При этом важно использовать грамматические средства, позволяющие без искажений смысла воспроизвести информацию. Особое внимание следует уделять в работе по языковой подготовке (особенно будущих переводчиков) фразеологизмам, крылатым словам, цитатам исторического плана, но в то же время и использованию языковых явлений современного языка, связанных со стилистикой и социально обусловленной лексикой. Нужно учитывать, что язык подобен живому организму: в нем постоянно происходят изменения. Эти изменения напрямую связаны с динамикой процессов (социальных, политических, экономических и т.д.), происходящих как внутри страны, так и в мире. В наше время мир постоянно меняется, а Россия сегодня — одна из наиболее динамично меняющихся стран. С этим связано то, что в последние годы произошли серьезные изменения в стилистике языка российской прессы, средств массовой информации, языка руководителей различных уровней, включая высший государственный. В советский период язык средств массовой информации носил строгий, формальный характер. Интертекстуальность СМИ строилась, во многом, за счет специфического интротекста — бесконечного числа штампов: «люди в белых халатах», «битва за урожай», «закрома родины», «ударными темпами», «с чувством глубокого удовлетворения», «дорогой товарищ генеральный секретарь» и т.д. В целом, можно оценить организацию текста в советских СМИ как предсказуемую. В то же время текст был выверен не только с точки зрения политической цензуры, но и грамматически. Современные СМИ больше тяготеют к неформализованному разговорному стилю. Изменился даже характер заголовков. Нередко уже сам заголовок становится интертекстом. При этом текст стал более экспрессивным, более «интертекстуально насыщенным». Это требует еще более серьезной языковой подготовленности иностранного читателя или переводчика.

В заключение подведем некоторые итоги.

Явление интертекста в лингвистике, несомненно, вызывает и будет вызывать в будущем значительный интерес у исследователей, как в плане теоретической разработки терминологической базы, так и в плане практического присутствия и функционирования в речи. На сегодня нельзя констатировать наличие единства в понимании термина «интертекст» и тех лингвистических явлений, которые

с ним связаны. В нашей работе, не претендующей на всеобъемлемость материала, мы попытались обозначить некоторые особенности, присущие интертексту, а также соотнести его с понятиями текста и гипертекста. Как гипотеза в противовес интертексту предлагается понятие «интротекста», позволяющее разграничить между собой узусную соотнесенность этих видов текста. Приводятся примеры интертекста и рассматриваются некоторые его особенности в свете перевода на иной язык. Наличие определенных трудностей при переводе такого рода позволяет говорить о необходимости особого внимания к интертексту в процессе языковой подготовки не только переводчиков, но и других специалистов в области языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Kristeva J.* Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // *Critique*. — № 239. — Avril 1967.
- [2] *Барм Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1989.
- [3] *Ильин И.И.* Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. — М., 1999.
- [4] *Арнольд И.В.* Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей. — СПб.: СПбГУ, 1999.
- [5] *Лотман Ю.М.* Текст и полиглотизм культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. — Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллинн: Александра, 1992.
- [6] Краткий русско-английский фразеологический словарь. — СПб., 1999.

OPPOSITION «INTERTEXT — INTROTEXT» IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

N.D. Afanasieva, M.V. Belyakov

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Foreign Ministry of the Russian Federation
Vernadsky av., 76, Moscow, Russia, 119454

This article is devoted to the concepts of intertext and introtex in general linguistic aspect and difficulties of their perception.